

Кирилл
АЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ

В ЗАКОНЕ

СУПЕРКОП

ОТПУСК С ВОРАМИ

Суперкоп

Кирилл Казанцев
Отпуск с ворами

«ЭКСМО»

2013

Казанцев К.

Отпуск с ворами / К. Казанцев — «Эксмо», 2013 — (Суперкоп)

Сотрудник Управления собственной безопасности Антон Копаев собрался в отпуск. На привокзальной площади он увидел плачущую девушку. Оказалось, что у Даши – так ее звали – похитили банковскую карту и сняли с нее крупную сумму денег – подарок родителей на предстоящую свадьбу. Антон решает отложить отдых и помочь девушке, тем более что дело поначалу кажется ему плевым: «прошерстить» территорию вокзала и найти карманника, который украл Дашину карту. Однако в итоге все оказывается гораздо сложнее. В процессе расследования Антон узнает, что махинациями с банковскими картами в городе занимается организованная преступная группа, во главе которой стоит высокопоставленный чиновник...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Кирилл Казанцев

Отпуск с ворами

Глава 1

И снова осень! Антон подошел к служебной машине, которая ждала его на площади перед зданием администрации Бабаевского района, и чуть задержался, взявшись за дверку. Воздух, напоенный ароматом увядающей листвы, бездонно-голубое небо теплой «пушкинской» осени – все это наводило грусть. И особенно теперь, когда можно сбросить напряжение последних дней, вздохнуть спокойно и глубоко.

За время операции, которую Антон завершал здесь, в одном из районов Свердловской области, у него не было времени посмотреть в это небо хотя бы несколько минут, втянуть ноздрями этот пьянящий воздух осени. Он ее любил и ненавидел одновременно. Осень когда-то принесла ему горе, и она же принесла ему успокоение. Именно осенью Антон подолгу сидел у могилы мамы на Сибирском кладбище и мысленно разговаривал с ней. Так он погружался в прошлое, в свое детство, которое вдруг в одночасье стало суровой юностью.

Операция закончена: начальник местного УВД арестован, еще шестеро офицеров из различных служб взяты под стражу. Вовсю идут обыски, допросы, оперативники из Управления собственной безопасности областного ГУВД делают свою работу. Вот и еще одно гнездо предателей, оборотней в погонах накрыто, уничтожено. Глава района, потный и красный, только беспомощно разводит руками, пытаясь убедить прокуратуру и полицию, что он «ни сном ни духом», что он и подумать не мог, что в его районе творятся такие дела. Погоди, друг ситный, дойдет очередь и до тебя!

Антон решил, что в самом деле пора ехать. В Екатеринбурге ему предстоит тяжелая, но необходимая работа. Он засядет строчить рапорта. Будет оценивать все до мелочей, по каждому этапу операции, по каждому своему шагу внедренного сотрудника. Увы, но в каждом монастыре свой устав, коль скоро ты пришел сюда служить, то приходится выполнять...

Все произошло почти мгновенно. Или когда-то отработанная реакция у Антона навечно осталась такой быстрой, или его опять спасла интуиция. Может быть, он просто в глубине сознания еще чувствовал, что операция завершена не полностью. Но обернулся он именно в тот момент, когда с треском распахнулись входные двери районной администрации, со звоном полетело на ступени стекло.

Рука сама выхватила из кобуры под курткой пистолет, а ствол повернулся в сторону шума едва ли не быстрее, чем в ту же сторону повернулась голова Антона.

Их глаза встретились! Полные ненависти, животной злобы глаза прапорщика Жирова из группы быстрого реагирования и спокойный холодный взгляд серых глаз Антона. Группу умышленно собрали здесь, возле администрации, якобы для участия в арестах. Но на самом деле сделано это было для того, чтобы взять без шума самого Жирова – живодера, на чьей совести двенадцать убийств с особой жестокостью. Вряд ли он мог рассчитывать на снисхождение на суде. Скорее всего, ждало его пожизненное заключение с такими же упырями и вурдалаками где-нибудь на Соловках.

Антон эта ненависть во взгляде не покорила и не смутила. Так было и так будет всегда: одни борются со злом, хватают преступника за руку или за шиворот и швыряют на скамью подсудимых, а он с пеной у рта с красными от злобы глазами сопротивляется до последнего, норовит вцепиться в глотку. Жиров, расшвыряв оперативников, выскочил из здания, держа в руке пистолет, и нашел глазами Антона – человека, который олицетворял теперь для него кончину привычной и сладкой жизни.

Решение могло быть только одно, риск был в данной ситуации максимален. Причем не только для Антона, а и для окружающих, если Антон промахнется. Но рука не подвела. Выстрел хлестнул по площади, и Жиров отшатнулся, откинув назад голову. Во лбу зияло отверстие, постепенно наполняющееся кровью, а со стороны затылка полетели осколки черепа и серо-кровяные сгустки. Второй выстрел Антон сделал машинально, а не по необходимости. Просто глубоко укоренились рефлекс и уроки боевого мастерства. Стрелять в противника всегда надо дважды, каким бы ты ни был мастером.

Тело опрокинулось на спину, пистолет полетел по асфальту в сторону, а со всех сторон побежали коллеги Антона. Хмурый полковник Быков выскочил из здания, обвел взглядом представшую перед ним картину и что-то проворчал себе под нос. Наверное, выругался. Очень Алексей Алексеевич не любил задержания, оканчивающиеся смертью преступников. Он любил живых – пойманных за руку, дающих показания и посаженных на скамью подсудимых. А этот... Этот как будто сбежал от наказания! Гаденыш!

Хотя Быков и разрешил отдохнуть денек-другой, отоспаться, но Антон делать этого не стал. Пока все свежо в памяти, пока ты все детали последней операции ощущаешь чуть ли не кожей, тогда и писать отчеты легче. И быстрее, кстати. Тоже немаловажный фактор. Нет уж, Алексей Алексеевич, писать, так лучше сразу, а потом обещанный отпуск недельку-другую отгуляешь. Лучше и третью. На море, что ли, махнуть, подышать соленым воздухом, когда там не таклюдно и когда там нежарко.

Антон думал о предстоящем отдыхе и смотрел в окно электрички, которая несла его на восток. Там, на Сибирском кладбище, похоронена мама. В тех местах она родилась, выросла, там ее родина и там ей покоиться. Леса, будто раскрашенные кистью безумного художника в желтые, красные цвета, а заодно и другие их оттенки, буйствовали красками за окном, деревья словно щеголяли друг перед другом нарядами разноцветных крон.

Вот и остановка. Беленькое одноэтажное здание кассы и зала ожидания, аккуратные дорожки, цветники, окаймленные красным кирпичом, поставленным на угол, дорожка в сторону поселка. А вот и дорога, ведущая к кладбищу. Ворота, знакомые фамилии на памятниках и крестах, знакомые лавочки возле могил, мимо которых он проходил уже много лет, из года в год. Вот и оградка... надо бы подкрасить в зиму, а то уже...

– Здравствуй, мама... Вот я и пришел опять посидеть с тобой. Извини, я тут теряю что-то уже. Представляешь, чуть не брякнул «ну как ты?». Грустно... А я нормально, работаю...

Антон не заметил, когда это произошло. Как-то так случилось, что его разговоры с мамой стали монологами. Раньше они беседовали, раньше она отвечала, а потом он неожиданно осознал, что разговаривает сам с собой. Может, это и правильно, может, так и должно быть. Не вечно же тревожить душу близкого человека – на то он и вечный покой. Ты приходишь ради своей памяти, поклониться ей, взгрустнуть о ней.

И Антон сидел, положив руки на оградку, и смотрел на памятник. Говорил он мысленно. Говорил о том, что ему все равно одиноко, что человек, которого он мог бы полюбить, так и не встретился. Что он по этому поводу не переживает, потому что... потому что такой человек еще не встретился. Переживать и так есть о чем. Например, о том, что он опять убил человека. Да, преступника, но ведь он все равно человек. Когда-то он был маленьким, играл со сверстниками во дворе и в детском садике. Когда-то и он к радости родителей пошел в первый класс. Никто не знает, когда он стал чудовищем, но ведь не всегда он им был.

Поправив свежие цветы, Антон постоял немного, держа руку на краю памятника, а потом неторопливо пошел по дорожке к выходу. Все нормально – в душе наступило умиротворение. Там за забором кладбища – жизнь, надо жить.

На платформе загудели голоса множества людей, высыпавших сразу из двух электричек. Антона несколько раз ощутимо толкнули в ноги сумками на колесиках, и он решил, что в город выйдет через пешеходный мост. Толкаться сейчас в подземном переходе, на лестницах было страшно. Он быстро пошел в противоположном направлении – к мосту. Какой-то мужчина остановился и долго кашлял, смачно сплевывая под ноги. Антон поморщился, порадовался, что он в жизни не выкурил ни одной сигареты и, перепрыгивая через две ступеньки, побежал вверх по лестнице. Вот и конец моста, спуск к пригородным кассам, платная стоянка автомашин, почта...

Цепкий глаз сразу заметил на привокзальной площади девушку лет двадцати пяти в джинсах и светлой куртке. Она сидела на лавке и плакала, вернее, рыдала! И столько безысходности, столько отчаяния было в ее фигуре, в ее позе, что Антон сразу понял – у человека настоящая беда.

– Что случилось? – спросил Антон официальным тоном, присаживаясь рядом на лавку. – Девушка, у вас беда? Вам помочь?

И наверное, из-за этой официальной интонации девушка отреагировала на действия постороннего человека правильно, а не как на сомнительного ухажера, который только делает вид, что обеспокоен ее горем. Она подняла красные и мокрые глаза и посмотрела на Антона.

– Да кто же, – почти простонала она, – кто же мне теперь поможет! Теперь все... нету их! И не вернешь! Кто их теперь найдет?

Минут через пять увещаний и расспросов Антон наконец понял суть произошедшего. Оказывается, у девушки вытащили пластиковую банковскую карточку. И бог бы с ней, если бы не одно трагическое обстоятельство. На ней были все деньги, которые туда положили родители. Это были деньги на свадьбу. Четыреста тысяч! Сумма была приличная.

Девушка произвела на Антона большое впечатление. Какая-то она была... милая. Не смазливая, не хорошенькая, а по-домашнему милая. Он почему-то представил ее именно в домашней обстановке, в домашнем халатике. Как она вот этими красивыми ухоженными руками ставит на стол чашку, наливает чай. Как она садится, закидывает ногу на ногу, как мелькнет в этот момент ее бедро. Не худое, как у моделей, не толстое, а именно... Как это называют иногда? Аппетитное. И шея у нее такая, что хочется поцеловать, и губы пухленькие. И артикуляция необычная. Как у ребенка, который плохо выговаривает некоторые слова, хотя говорит она правильно и без видимых дефектов речи. И глаза... как она их таращит, когда возмущается!

Антон спохватился и немного смутился от того, что мысли унесли его от человеческого горя в такие интимные подробности. А горевать Даше – так назвалась девушка – было отчего. Ее родители работали по контракту за границей. Фирма была приличная, работа интересная, перспективная. Все шло к тому, что семья могла вообще перебраться за границу на постоянное место жительства, обзавестись там недвижимостью. Было из-за чего рисковать, оставляя дочь так часто и надолго одну. Хотя, как понял Антон, как раз Дашу оставлять одну было неопасно. Девушка она была боевая, деловая и серьезная. Она могла сама организовать все, что связано со свадьбой. А потом родители должны были прилететь на три дня, чтобы присутствовать на брачной церемонии, посидеть за столом с молодыми. И кто же мог предположить, что случится такое. Даша сама не понимала, как это произошло. Она почти была уверена, что положила карточку в... нагрудный карман куртки? Или все-таки в кошелек? Теперь она таращилась на Антона и не могла точно вспомнить.

– Нечего плакать! – заявил Антон. – Слезы лить уже бесполезно, нужно спасать деньги. Поехали в банк, там напишете заявление и карточку заблокируют. Пластик можно поменять, а вот помешать снять деньги со счета нужно обязательно и быстро.

Он схватил Дашу за локоть и попытался поднять с лавки и увлечь в сторону площади, где можно было поймать такси. Но девушка вдруг уперлась и посмотрела на Антона странным взглядом.

– А кто вы такой?

– В смысле? – не понял Антон, сбитый с толку такой резкой переменной Дашей отношения к нему.

– Вы почему ко мне подошли? – шмыгая носом, стала допрашивать девушка. – Никто не подошел, а вы подошли? А может, вы и есть вор? Или вы из полиции?

– Ничего себе повороты! – рассмеялся Антон. – Вы бросаетесь в своих нелепых подозрениях из крайности в крайность. Одновременно я похож в ваших глазах и на вора, и на блюстителя закона. Не стыдно? Я просто человек, который увидел горе и подошел, чтобы помочь. Это странно, да? А может, как раз это нормально, что один человек пытается помочь другому?

– Не знаю! Я теперь ничего не знаю, – тихо ответила Даша, и ее глаза снова стали наполняться слезами.

– Поехали, а то деньги не спасем! – почти приказал Антон. – Какой банк?

– «УралКредитБанк».

– Знаю, это на Малышева. Недалеко от метро.

Антон без разговоров потащил Дашу на площадь, где довольно быстро остановил «частника». Он даже не стал торговаться и сразу согласился на пятьсот рублей. Водитель явно был в приподнятом настроении, видимо, таких уступчивых пассажиров он любил, всю дорогу не умолкал, рассказывая свои шоферские истории про пассажиров и ГИБДД. А еще он все время поглядывал на заплаканную девушку в зеркало. Наверное, жалел и хотел развеселить.

В банке им не повезло. Парень с бейджиком на лацкане пиджака выслушал, подвел к столу, где у него стоял компьютер, усадил обоих на стулья и стал колдовать, шелкая по клавишам. Потом он попросил у Даши паспорт. Снова пощелкал клавишами, а затем с виноватым видом сообщил, что деньги с нее сняты десять минут назад в банкомате Торгового центра «Мир».

– Я не знаю, чем вам еще помочь, – работник банка снова виновато посмотрел на молодых людей. – В полицию вам надо срочно обращаться, хотя... А вы не страховали карточку? У нас ведь уже третий месяц услуга предлагается. Услуга страхования как раз от неправомерных действий третьих лиц.

Даша встала со стула и молча покачала головой. Кажется, она снова сейчас разрыдается. Антон, не выпуская несчастную девушку из поля зрения, быстро выяснил, какую справку можно получить в банке, чтобы подтвердить сумму ущерба. Потом он взял Дашу под руку и вывел на улицу.

К его удивлению, девушка больше не плакала. Она просто тоскливо смотрела поверх голов прохожих и кусала нижнюю губу.

– Ладно, Даша, – уверенным голосом сказал Антон, – давай так. Я сейчас в отпуске и делать мне абсолютно нечего. А еще у меня есть кое-какие связи и я могу помочь тебе. Чем черт не шутит, а вдруг нам удастся выявить преступников. Хоть какие-то деньги спасете.

– А вы в самом деле полицейский? – вдруг с надеждой спросила девушка.

– Что вы! – махнул рукой Антон. – Какой из меня полицейский? Просто я... могу помочь. А в полиции есть люди, которые захотят помочь мне. Если все пустить на самотек, то раскрывать ваше преступление будут очень долго. Да и раскроешь ли его...

Антон поперхнулся, поняв, что сболтнул лишнее. Его последние слова можно было истолковать превратно. А уж чего он меньше всего хотел, так это убить в Даше остатки надежды вернуть деньги. Девушка ему чертовски нравилась, и он в самом деле хотел ей помочь. Правда, пока не знал, как подступиться к этому вопросу. Но выкручиваться все же надо!

– Я в том смысле, – добавил он, – что без желания его не раскроешь. А когда будет звонок сверху, чья-то заинтересованность, то, глядишь, все и сложится хорошо.

– У вас есть знакомые начальники в полиции?

– Есть! – честно признался Антон и улыбнулся, предвкушая, что Даша вот-вот улыбнется ему в ответ.

Вопреки ожиданию, произошло совсем другое и неприятное. У Даши зазвонил мобильник, она ответила какому-то Кирюше и стала объяснять, что с площади она уехала, потому что срочно надо было побывать в банке и попытаться заблокировать карту. А теперь она будет его ждать на улице Малышева возле банка. Настроение у Антона испортилось. Он как-то и забыл, что деньги-то предназначались для организации свадьбы, а значит, есть и жених. И он, конечно же, обязан быть в гуще событий. Размечтался!

Однако, несмотря на упавшее настроение, желания помочь Даше у Антона не убавилось. Во-первых, это давало возможность очень часто с ней общаться, а во-вторых, ему очень хотелось в самом деле разыскать этого ублюдка и наказать его. Такие сволочи, которые приносят столько горя людям, ломают им жизнь, не должны ходить по улицам родного города. Это уже дело принципа!

Кирюша появился минут через двадцать. Антон с большим изумлением смотрел на полненького румяного паренька лет двадцати с наивными глазами и сочными губами. Был он весь какой-то вялый и наивный. То ли большой лодырь, то ли сибарит по натуре. Но главное, он явно был моложе Даши и никак ей не подходил. Ни внешне, ни психологически. Это Антон тоже почувствовал. Какая-то нелепая пара.

Почему пара нелепая, Антон понял, когда Кирюша подошел к своей невесте. Он не бросился ее утешать, не смотрел на нее с жалостливой нежностью. Полненькая фигура расслаблена, руки в карманах, он просто приподнял брови и поинтересовался сложившейся ситуацией. На Антона он глянул только один раз и несколько настороженно. Даша вытерла глаза и с материнской заботливостью стала посвящать жениха в положение дел. Сразу возникло ощущение, что карточку не у нее украли, а у него. И она его же успокаивает.

Кирюша снова настороженно посмотрел на Антона, которого его невеста расписывала, как человека, который может помочь в поисках преступника, потому что у него есть связи в полиции. Ведь полиция же должна знать всех карманников, особенно кто промышляет на вокзалах. Это она уже от себя добавила. И опять, наверное, чтобы успокоить жениха.

Антон стал чувствовать себя неудобно. Он предложил обменяться номерами телефонов и поспешил откланяться.

Было темно и страшно, но Юля старалась не плакать. Где-то над головой иногда раздавались шаги. Юля снова обхватила руками коленки, подтянутые к груди, и закрыла глаза, что делать в общем-то было необязательно, потому что здесь и так была практически полная темнота. Но когда закрываешь глаза, то как-то не так страшно.

Сколько Юля уже сидела тут, не помнила. Точнее, девушка даже не думала об этом и не считала дней. Она знала, что Веня куда-то уехал, что у него важное дело. Но он обязательно за ней вернется. От Вени многое зависит, он ей так объяснил. Только Юля и сама поняла, что творится что-то страшное. Может, война, а может, и еще что-то похуже.

Еще дома девушка увидела по телевизору, как какие-то чудовища захватили землю. Может, это все на самом деле? Конечно, может, ведь в школу она не ходит. А раз в школу идти не надо, то значит, что-то случилось. Уж это Юля понимала. В голове сразу всплыли воспоминания, как ее дразнили во дворе мальчишки. Дурочкой, а еще коррекнutoй-кукарекнutoй. Сами дурачки. Не понимают, что коррекционная школа, в которой учится Юля, это просто специальная школа. Есть же школы со спортивным уклоном, а у них школа со швейным уклоном. Они там учатся шить.

Мысли с чудовищ перекинулись к воспоминаниям о привычных занятиях. Большая электрическая машинка в школьной мастерской. Машинка поменьше дома. Юля любила шить. Она любила и сам процесс шитья, когда под стрекот машинки перед глазами бежит ровная строчка, когда куски ткани постепенно преображаются. В платье, куртку, блузку. И уж конечно, Юля любила придумывать наряды. Две соседские близняшки Алена и Ксения бегали к Юле постоянно. То у них маскарад какой-то намечался, то Новый год с костюмированным балом, то Хэлло... Этого названия Юля никогда выговорить не могла, а переспрашивать стеснялась. Еще подумают, что она совсем дурочка.

А Веня никогда не носил того, что шила для него Юля. Она столько раз хотела сделать для него сюрприз, а он... Обидно, конечно, но это же Веня. Он такой серьезный и, если разобьется, то и не должен одеваться в такие наряды. Это только для девочек.

Сверху опять протопали ноги, и Юля, вжавшись в стенку, накрылась с головой старым байковым одеялом. Под одеялом не так страшно, и можно представить, что ты в норе, что тебя никто не достанет, что никто даже не знает, что ты тут прячешься. Можно сидеть, а еще лучше лечь, поджав ноги.

Юля легла на свою лежанку и стала думать. У нее так происходило всегда. Как только она ложилась и готовилась уснуть, то в голову со страху начинали лезть всякие мысли. И главное, никак их не прогнать. Они какие-то прилипчивые, вязкие. Мысли о чудовищах беспокоили, но их легко было заменить другими. Например, воспоминаниями о маме.

Это было давно, очень давно. Вспоминалось все, как в тумане. Была большая светлая комната. Такая светлая, что казалось, будто солнце ее переполняет своим светом, и его лучи проникают везде: и за шкаф, и за корешки книг, и под диван. И мама всегда в этих воспоминаниях улыбающаяся, светлая, с мокрыми после душа волосами. Больше Юля не помнила ничего о маме, но и это ей позволяло с удовольствием свернуться калачиком и забыться зыбким сном. Только иногда ее тревожили звуки сверху, и то, как тихо скребется мышь где-то за деревянной стеной.

Потом образ мамы сменялся образом Вени. Теперь у нее остался только Веня, только он был ее миром. Веня ее любил, покупал ей шоколадки с орехами, которые она сильно любила, и никогда не ругал. Даже когда Юля забывала что-то купить в магазине к его приходу. Она тоже Веню любила... И никогда не покупала сама себе любимый шоколад без разрешения.

Антон позвонил Великанову вечером домой. Мало ли кто на рабочем месте окажется рядом и кто услышит о той просьбе, с которой Антон собирался обратиться. Сашка Великанов был одних лет с Антоном, но уже имел звание капитана. Был он техническим талантом, компьютерным гением, и Быков его пригрозил сразу, как только узнал о нем. Сашка почти безвылазно сидел в Управлении, над чем-то колдуя в своем компьютере. Иногда он целыми днями пропадал в мастерской, откуда потом выходили в свет шедевры его технического гения. В основном это хитроумные и незасаеваемые «жучки», «маячки», нанообъективы съемочной аппаратуры и такие же наномикрофоны.

Сашка не любил оружия, поэтому касательства к нему не имел, работал только с компьютерами. А еще он был источником любой технической информации. Он знал практически все, как ни странно это звучит. А когда не знал, то начинал предполагать, размышляя вслух. В этих случаях он тоже оказывался недалек от истины, и его предположениям привыкли верить. Вот и теперь Антону понадобилась консультация в области преступлений с банкоматами, а где ее взять, он не знал. Великанов обязательно что-то по этому поводу сможет сказать и навести на нужную мысль.

Сашка был дома, и в трубке очень явно раздавались женские голоса вперемешку со звонким хохотом. Антон усмехнулся. Это была еще одна особенность Сашки Великанова, точ-

нее, еще один талант. Он притягивал к себе женщин как магнитом. Надо отдать должное, он умел рассказывать, блистал нестандартным юмором и... был довольно симпатичным парнем.

– Здорово, бабник! – весело приветствовал коллегу Антон. – Развлекаешься?

– О, привет! – нисколько не удивившись звонку, ответил Сашка. – Сейчас... подожди, я в другую комнату выйду.

В трубке стало значительно тише.

– Ну, что у тебя? – снова спросил Сашка и как всегда угадал. – Проблемы? Консультация нужна?

– Точно! Слушай, Сань, ты наверняка имеешь представление об особенностях современных преступлений с банкоматами.

– Наверняка! – подтвердил Великанов. – А что, у тебя карточку «тиснули»?

– Не у меня! Понимаешь, девушка одна. А у нее на карточке денег было немерено. Родители оставили, чтобы она начала к свадьбе готовиться, а тут...

– Ты что, жениться надумал?

– Да брось ты! Не я. И вообще тут дело не во мне, просто помочь надо.

– Ладно-ладно! – рассмеялся Сашка. – Только боюсь, что помочь именно ей ты уже не сможешь. Плакали денежки. Эта сфера очень технологичная, это же не брютлики, которые после ограбления ювелирного магазина валяются на блатхате. Тут их со счета сдернули и все: ни номеров купюр, ни отпечатков пальцев.

– Если все-таки попробовать выйти на преступников, доказать их вину, то можно и вернуть. Ведь есть же счета, куда они деньги перебрасывают, есть наличные, которые они снимают, мало ли еще что. Ты не прав, Сашка.

– Ну, не знаю. Наверное, в принципе, можно. Значит, слушай! Этот тип преступлений, точнее, эта область, она специфическая. Понимаешь, море своих особенностей и проблем. Проблем, как ты понимаешь, у полиции.

– А все-таки?

– Во-первых, Антоха, это закрытость информации относительно преступлений против АТМ. Я имею в виду закрытость со стороны банковской системы.

– Стоп, Сашка, не тараторь. Что такое АТМ?

– АТМ – это, – Великанов замялся и кажется хихикнул, – это собственно и есть банкомат, банковский автомат. Ты английским владеешь? Automated teller machine – программно-технический комплекс, предназначенный для автоматизированной выдачи и приема наличных денежных средств. Потом учитывай, что нет определенной систематизации по данному виду преступлений.

– Почему нет? Раз существуют заявления от пострадавших, то...

– Вот твоя беда, Антоха, что ты не кабинетный работник. Преступления против АТМ квалифицируются как грабеж, кража, мошенничество или совсем не подпадают под понятие уголовного преступления. Отсюда и отсутствие полных и достоверных данных о преступлениях против АТМ. А раз нет таких данных, то нет криминалистических исследований в данной области. Никто серьезно не занимался этим вопросом. Понимаешь, технический прогресс такими шагами идет вперед, что умы смежных специальностей за ним не успевают.

– Понятно, – обреченно сказал Антон. – Твои слова надо понимать еще и так, что у нас имеет место несогласованность действий в данной области со стороны правоохранительных органов, производителей банкоматов, кредитных организаций и каких-нибудь там еще организаций, кто эти карточки делает, кто занимается информационным обеспечением. Так это у вас называется?

– У нас и вообще в мире это называется «процессуальный центр». То бишь юридическое лицо или его структурное подразделение, обеспечивающее информационное и технологическое взаимодействие между участниками расчетов.

– Ну да, – согласился Антон. – И все-таки, что ты можешь рассказать о сущности этих преступлений, как они совершаются?

– Насколько я знаю, тут несколько подходов. Примеряй свой вариант, если получится. Во-первых, это преступления против самих держателей карт. Ограбление держателя карты в тот момент, когда он получает или вносит деньги. Либо просто принуждение. Поймали человека, нашли в кармане карту, заставили пойти к банкомату и снять бабки. В твоём случае как было?

– В моём случае у неё карту вытащили из кармана. И мне совсем непонятно, как они могут с неё снять деньги, не зная кода.

– Смысла нет красть карту, если не знаешь кода. Наверное, они знали код. Тут, знаешь, очень много способов его узнать. Я кое-что читал по этому поводу, кое-что могу предположить. Элементарное подглядывание через плечо, и ПИН у тебя. Это самое простое. А когда преступление поставлено на поток, тогда и скрытые видеокамеры устанавливают, накладные клавиатуры используют, запоминающие комбинацию цифр, просто в бинокли глядят, если банкомат установлен на улице. Я полагаю, что есть и более мудреные штуки. Я бы, например, собрал чуткий приемник, которым записывал бы тональные сигналы при наборе ПИН-кодов.

Обеспокоенный тем, что ему наговорил Великанов, Антон половину ночи провел за своим ноутбуком. Он обшарил Интернет и нашел массу интересных вещей по нужной ему тематике. Оказывается, преступники используют все доступные способы съема с карточки денег. И чем необычнее эти способы, тем больше гарантии, что преступную деятельность пресекут не сразу.

Оказывается, что довольно часто используют даже фальшивые банкоматы. Полная видимость нормальной работы, только деньги никуда не переводятся. Просто наличность вынимают преступники. А еще участились криптографические атаки, когда с помощью компьютерной техники высчитываются цифры ПИН-кодов и паролей. Иногда это грубый взлом системы с той же целью.

А еще существуют различные виды неавторизованного доступа в систему банкоматов. Вплоть до разрушения программы, когда любой ввод автоматом будет расцениваться как авторизованный доступ. Проще говоря, вводи любую карточку или макет и снимай, все что есть. Или переводы на счет, если таковой предусмотрен.

И это не считая, например, фишинга – вида интернет-мошенничества, целью которого является «выуживание» – получение доступа к конфиденциальным данным пользователей – логинам и паролям.

А еще изобретено множество устройств для механической выдачи купюр. А некоторые работают по старинке и, между прочим, эффективно, потому что не сразу и в голову придет, что кто-то решится на такое. Кто-то первый решился. Решился, чтобы увезти целиком банкомат вместе с деньгами. Достаточно их взламывали и прямо на местах установки. И сейчас взламывают. Нужна «болгарка» и немного времени. И уж совсем простой вариант – ограбление при инкассации автомата.

Оказалось, что давно научились копировать магнитные полосы карт. Устраивать заедание карты в считывающем устройстве (ридере) с целью ее дальнейшего незаконного изъятия. Есть специалисты по подмене или присвоению карты незаметно для держателя после выполнения операции в банкомате. А еще копирование магнитной полосы часто используется для изготовления в последующем так называемого «белого пластика». Это, как оказалось, термин, обозначающий пластиковую заготовку, исходник, предназначенный для хищения денежных средств в банкоматах или торговых точках при содействии кассира или продавца.

В ходу и кибератаки, когда информация о реквизитах карты, считанная с магнитной полосы, используется для снятия денег прямо со счета, потому что появляется доступ в систему банкоматов или к каналам связи.

И по поводу накладных клавиатур, о которых рассказывал Сашка, Антон тоже кое-что узнал. Оказывается, существуют способы и проще. Например, преступник может совсем не использовать никаких дополнительных устройств. Достаточно просто протереть клавиатуру, а после того, как человек введет ПИН-код своей карты и отойдет от банкомата, посыпать ее тальком. В результате мошенник получает цифры, из которых состоит ПИН-код, остается только подобрать их порядок. Мало кто задумывался, что существует всего 24 комбинации перебора всех вариантов. А если учесть технологию некоторых процессинговых центров, при которой неверные попытки набора ПИН-кода сбрасываются, если в один день не превышен общий порог количества неверных попыток, то подобрать значение ПИН-кода очень легко.

Вот и думай! Вот и ломай голову! Значит, преступники идут в ногу с прогрессом. Как и всегда. Теперь надо все услышанное от Сашки и вычитанное в Интернете переварить в голове и применить одну из схем съема денег с карты к случаю, произошедшему с Дашей. Будет схема – будет и направление розыска преступника.

Глава 2

Борис Аркадьевич Шарkelов не любил шумных вечеринок и массовых мероприятий. От шумихи, помпезности и декларативности он уставал на работе. А вот после нее, когда появлялась возможность помолчать или поболтать о незначительном, Борис Аркадьевич менялся до неузнаваемости. Из энергичной позитивной личности с неизменной легкой улыбкой на холерном лице он превращался в угрюмого, желчного, язвительного типа. Правда, не со всеми. С ближайшими помощниками, со своей семьей он держался все же прилично. А вот если кто из деловых или политических партнеров соизволит провести вечерок с Шарkelовым, то уж тут извините – придется хлебнуть.

Но эта двуличность Борису Аркадьевичу в его кругах прощалась. Отчасти из-за того, что он был человеком деловым, решительным, с возможностями и связями. А отчасти и из-за того, что в его кругу все были не паиньками. Двуличность в той или иной степени там присуща всем.

Сегодня Борис Аркадьевич устроил пикник с неизменными шашлыками на берегу озера Здохня в очень узком кругу тех людей, перед которыми не надо надевать маску.

Жена сидела в шезлонге, подставив лицо осеннему солнцу. Ее ноги были заботливо укрыты шерстяным одеялом. Управляющий предприятием Шарkelова, которое числилось на его жене, вместе с начальником службы безопасности тихо посмеивались и активно махали над мангалом кусками фанеры. Их жены о чем-то ворковали за раскладным столиком и хрустели фруктами. Идиллия! Но для этого пришлось забираться так далеко, аж на Здохню, чтобы никто не пронюхал о составе компании, в которой отдыхал депутат областной думы Шарkelов.

Была и еще одна причина, из-за которой был устроен пикник. И о ней не догадывались присутствующие. Шарkelов прохаживался, заложив руки за спину по берегу и смотрел на спокойную озерную гладь. Он с трудом сдерживался, чтобы не посмотреть на часы. У него затекли руки, потому что жирок на боках и животе мешал долго держать их в таком положении. Но Борису Аркадьевичу очень не хотелось, чтобы кто-то из присутствующих заметил, что он нервничает. А опущенные руки обязательно выдадут его состояние. Он непроизвольно начнет нервно сплетать пальцы, лезть в карманы.

Наконец по укатанной колесами машин еле заметной в траве дорожке подъехал автомобиль. За ивняком было видно только, что это большой внедорожник «Тойота». Ни номера, ни водителя, ни пассажиров разглядеть было невозможно. Начальник службы безопасности, крепкопыш-майор, бывший сотрудник областного ФСБ, настороженно повернул лысую голову в сторону машины. Шарkelов остановил его взмахом руки и неторопливо пошел в сторону ивняка. Задняя дверь внедорожника при его приближении открылась.

– Здорово, Борис Аркадьевич! – расплылся в широкой приветливой улыбке человек и спрыгнул из машины на траву.

Шарkelов чуть шевельнул губами, обозначая улыбку, и, скрывая неприязнь, посмотрел на прибывшего.

– Здоров, – буркнул Шарkelов и сразу пошел в сторону соседней поляны, чтобы их разговора не слышали возле мангала. – Ну, что у тебя?

– В пределах, – заверил приезжий. – Надо маленько бабок тормознуть. На технические нужды, так сказать. Мозга там очередную идею родил. Надо бы «ребеночка» спеленать.

Шарkelов поморщился. Он терпеть не мог уголовного жаргона, кличек. Но этот тип ему был нужен и потребует еще какое-то время. И еще Борис Аркадьевич понимал, что в индустриальных жаргонных словечках есть на сегодняшний день и кое-какой плюс. Не надо называть вещи своими общепринятыми именами, не надо называть имен и фамилий. Своего рода «птичий» язык, которого непосвященные не поймут.

– Что, так много, что ты разговор об этом завел? Он лицо заинтересованное, мог бы и из своей доли отстегнуть на развитие.

– Материал дорог, Борис Аркадьевич. Не куртки же турецкие шьем.

– Ладно, Яша. Сколько надо? Только учти, что разводить себя я не дам!

– Какой развод? – Яша вытаращил глаза. – Я что, не понимаю! Зуб даю, все без... обмана.

Шаркелов усмехнулся, поняв, что Яшка старается избегать жаргона и не всегда быстро находит нужные слова из обычного лексикона. А то, что он перед Шаркеловым лебезит, вроде как заискивает, это даже нормально. В оптимальном варианте так себя вести должны были бы все вокруг, но... не все сразу. А Яшка просто помнит кое-что, Яшка Шаркелову по гроб жизни обязан.

– Десять кусков, – назвал наконец сумму Яшка и покраснел.

– Ладно. Сумма не ахти какая большая. Еще что?

– Сегодня уехал утренним. Мои его проводили, все как положено. Час назад отзвонился.

– Хорошо.

– Я, Борис Аркадьевич, немного сомневаюсь. Тебе виднее, конечно, но такими партиями я бы не посылал. Все-таки опасно. Мало ли...

– Что? – насторожился Шаркелов. – Ты о чем это? Знаешь чего, темнишь или так треплешься?

– Нет! Чего мне трепаться? Я так просто, перестраховываюсь. Ты не волнуйся! Я просто подумал, что лучше уж пусть курьеры чаще ездят. Так безопаснее. Так ведь всегда было.

– Яша, давай ты не будешь лезть в те дела, в которых ничего не понимаешь! – сдержанно, но твердо сказал Шаркелов. – Конспиратор из тебя хреновый, если ты помнишь. С твоей конспирацией ты бы сейчас червей кормил. Так что не ставь под сомнение правильность моих решений и просто верь. Договорились?

Напоминание не столько напугало Яшку, сколько заставило испытать неприятный холодок внутри. Он скрипнул зубами и опустил голову. Что делать, так уж сложилось, что старшим партнером в их тандеме был Борис Аркадьевич. А он... Так, на подхвате, помощник. Раньше все было иначе, и дальше было бы все не так, если бы не случай. Теперь смирись и терпи.

Антон шел на встречу с Дашей, как на свидание. Собственно, это и было свиданием для него. Просто разговор пойдет не о погоде, новых фильмах и других безделицах, а о преступлениях. Но от этого Антон все равно не испытывал отрицательных эмоций. Если бы еще Кирюша не приперся вместе со своей невестой.

Антон поперхнулся и сбавил шаг. Как-то он очень уж увлекся и забыл, что у Даши есть жених, и они готовятся к свадьбе и что он у них как пятое колесо в телеге. Появился, добрая душа, стал помогать, симпатии свои проявлять. Остановись, парень, не ломай чужую жизнь.

Мысль была грустной, но в то же время в ней имелась и какая-то искорка, которая не давала покоя. Как уголек от печки, что попал в рукав ватника. Вроде и не горит, а дымит. И потушить никак не удастся. Очень свербил мысль, что в отношениях Даши и Кирюши присутствует некоторая нелепость. Что-то в них противоестественное. Под таким углом зрения вмешательство Антона в отношения молодых людей уже не казалось неправильным.

Антон решил махнуть рукой на все сомнения и пустить дело на самотек. Он не собирался хватать девушку за руки ни в первое свидание, ни во второе, ни в последующие. Не намеревался признаваться ей в своих... симпатиях. Пусть все идет своим чередом. Ему нравилось смотреть на Дашу, слушать ее голос, наблюдать за ее мимикой. А дальше...

Даши, конечно же, на второй лавке от начала сквера не было. Антон посмотрел на часы и скривился в усмешке. Чего ты прилетел за тридцать минут до назначенного времени? Вздохнув и обозвав себя мысленно слюнявым подростком, Антон оглянулся по сторонам. Надо было как-то убить время. Не хотелось сидеть тут и пялиться столько времени на прохожих.

Антон увидел невдалеке синюю палатку пневматического тира и решительно направился туда. Скушающий старик с огромными седыми усами и в очках с толстыми линзами очнулся от дремы и вопросительно посмотрел на молодого человека. Наверное, Антон тут был первым за день посетителем. Старик даже не стал доставать все винтовки. Только одна из них сиротливо лежала на прилавке.

Антон выложил пятьдесят рублей и взялся за оружие. Итак...

Через двадцать пять минут старик, с сокрушенным видом крутя головой и цокая языком, выложил перед Антоном пятый и последний приз за меткую стрельбу. Это был средних размеров плюшевый медведь с очень уморительными глазами-пуговками. Даше он должен был понравиться. Антон отодвинул остальные игрушки, пожал старику руку и с медведем под мышкой двинулся к месту встречи.

– Господи! – Даша смешно вытаращила глаза и уставилась на медведя. – Это мне? Что вы, Антон, зачем же...

Последние слова прозвучали так неубедительно и тихо, что на них можно было уже не обращать внимания. И так ясно, что девушка растаяла. Тем более что она сегодня без Кирюши и смотреть на нее с выражением удовольствия на лице можно было не скрываясь.

– Это подарок, который я заслужил с оружием в руках! – рассмеялся Антон и показал рукой в сторону тира. – Все для прекрасных дам. Просто мне захотелось поднять вам настроение, Даша.

– Спасибо, – смутилась девушка и наконец посмотрела на Антона с большим интересом, чем обычно. – Он такой милый.

Антон вздохнул и решил, что следует перейти к делам. Все-таки он взялся помочь Даше в беде, а не просто обхаживать ее с... некоторыми намерениями.

– Даша, давайте присядем, и я задам вам несколько вопросов. Хорошо?

Девушка кивнула, и на ее лице сразу появилось жалобное выражение.

– Сначала давайте вспоминать, Даша. У вас вытащили из кармана пластиковую карту. Но воспользоваться ею преступник не сможет, потому что он не знает кода. Не зная кода и красть ее бессмысленно. Значит, он знал код.

– Откуда? – нахмурилась девушка. – Я же... у меня нет с собой никаких шпаргалок, потому что ПИН-код я помню и так. Он не мог его у меня выкрасть. Тогда откуда же...

– Вот-вот, – согласился Антон. – И тем не менее он его узнал. Вот я и предлагаю вам начать вспоминать. Кому вы могли добровольно и случайно назвать ПИН-код?

– Зачем?

– Ну мало ли! Есть множество уловок у преступников, как выудить у постороннего человека ПИН-код его карты. У вас карта никогда не застревала в банкомате?

– Нет... нет, не было такого.

– Вы никогда не использовали ПИН-код карточки для создания кодов в других местах. Скажем, в пароле «одноклассников», в номере шкафчика в фитнес-центре, еще где-нибудь. Это очень распространенная ошибка. Очень часто люди...

– Да вы что?! – искренне и горячо возразила Даша, оттопырив губки. – Я что, не понимаю?

– Отлично, – улыбнулся Антон, сознавая, что ничего отличного тут нет. – Значит, его у вас никто не спрашивал, не звонил из банка и не представлялся его служащим, не просил никаких цифр?

Девушка покачала головой. Кажется, она в самом деле была человеком осторожным и на такие простые уловки не могла попасться. Если, конечно, не врал.

– Тогда остается вариант, что кто-то подсмотрел ПИН-код вашей карты, когда вы его набирали на клавиатуре банкомата. Значит, мне нужно искать тех, кто специализируется на подглядывании через плечо, или в бинокль с расстояния, или иным способом.

– Не мне, а нам! – энергично возразила Даша. – Нам нужно искать. Это что же получается? Вы, абсолютно посторонний человек, из чувства сострадания будете мне помогать, а мы с женихом будем сидеть сложа руки? Нет уж! Искать будем вместе.

Антон задал еще несколько вопросов. Получалось, что Даша карту из рук не выпускала, не роняла, не теряла, никому на время не давала. Если она ничего не забыла и не перепутала, то все равно никаких ниточек Антону этот допрос не дал. Он со смешанным чувством сожаления и умиления смотрел на девушку, как она мяла и прижимала к себе подаренного медведя. Наверное, в Даше большой запас нерастраченной нежности. Из нее получилась бы отличная мать.

Как-то само собой разговор перешел на иные темы. Антон слушал Дашу и удивлялся, как она могла быть и взрослой, и одновременно инфантильной в некоторых вопросах. В неприятии Интернета, например. Очень сбивчиво Даша попыталась объяснить, Антону, что Интернет разлагает. Особенно детей. Чем он мог разложить саму Дашу, почему она не пользуется Интернетом, почему у нее дома до сих пор нет компьютера, он так и не понял. И это были еще не все «тараканы в голове» девушки.

– Понимаете, Антон, я еще со школы поставила себе цель. Это даже не столько цель, сколько жизненная позиция. Человек не должен замыкаться только в рамках своей семьи. Она, конечно, ячейка общества, но каждый взрослый человек обязан внести свой максимальный вклад в жизнь общества и за пределами своего дома. Я вот всегда считала, что помогать людям не зазорно и не стыдно. Перевести старушку через дорогу, подать нищему у церкви, помочь донести сумку инвалиду. Да мало ли что еще можно сделать, если ты молод, здоров и, главное, желаешь этого.

Антон попытался согласиться, признаться, что он тоже так считает, что если бы все люди были такими, как Даша, то мир стал бы чище и здоровее. Но девушка его не слушала. Она как будто впала в состояние эйфории, ей нужно было во что бы то ни стало высказаться, полностью изложить суть своего мировосприятия и мировоззрения.

– Вы вот, наверное, думаете, что мы с Кирюшей не пара? Это верно, но только лишь отчасти. Какая-нибудь другая девушка, возможно, и не была бы ему парой, но я-то понимаю, что он с другой просто пропадет. Если не я, то кто ему поможет? Он ведь такой... такой... он талантлив, но уж очень не приспособлен к жизни. Есть такая категория людей. Да почти все гении такие!

– Ваш Кирюша – гений? – стараясь скрыть иронию, спросил Антон.

– Конечно! Только вы вот этого не понимаете, потому что плохо его знаете. У него большие задатки гения, потому что Кирюша обладает нестандартным мышлением. Вы знаете, где он учится? В Европейско-Азиатском институте управления и предпринимательства.

– Это престижный вуз? Частный, государственный?

– Причем здесь престижный или нет? Вы, Антон, извините, судите как какой-нибудь... я не знаю кто. Конечно же, он частный. Но это не главное. Этому институту уже около двадцати лет, и выпускает он высококвалифицированные кадры. И пользуются они большим спросом. Три года назад федеральной службой было подтверждено, что институт предоставляет качественные условия для получения высшего образования.

– Какой федеральной службой? – мягко улыбаясь, спросил Антон.

– Ну это же не важно! Главное, что институт входит в «тридцатку» лучших учебных учреждений в перечне частных вузов страны. А скоро он будет отвечать международным стандартам.

– Да я верю, Даша, верю, – взмолился Антон. – Просто я не успел разглядеть в вашем Кирюше его скрытые таланты.

– Конечно, – заметно остывая, заключила Даша. – Многие их не замечают. Он ведь такой... такой... просто его никто не понимает и не может разглядеть в нем все ценное. Всю глубину!

Глубину души Кирюши Антон не смог разглядеть ни на следующий день, ни на протяжении еще нескольких дней. Понять, что таится за ленивой ухмылочкой, было сложно, а потом Кирюша совсем пропал. Антон вздохнул свободнее. Теперь присутствие жениха на него не давило, и он занимался поисками преступников вдвоем с Дашей.

Для начала Антон выбрал несколько банкоматов «УралКредитБанка», которые были установлены в местах с большой проходимостью людей. Два торговых комплекса, железнодорожный вокзал они обходили с Дашей за день раз шесть-семь. Дважды Антон засекал карманников, но работали они в основном в торговых залах. По всему было видно, что банкоматы – не их специализация.

Антон раз за разом осматривал сами банкоматы, пространство вокруг них, где могли быть установлены видеокамеры для считывания набираемых кодов. Он даже прикинул воображаемые линии, по которым можно было бы хорошо видеть клавиатуру банкоматов, чтобы наблюдать за руками держателей карт в бинокль. И тут его ждало разочарование.

Единственным приятным моментом в эти полные разочарований дни было присутствие рядом Даши. Она много болтала, перескакивая с темы на тему, рассказывала обо всем на свете. Антон улыбался и не прерывал спутницу. Такое ее оживленное настроение – лучшее прикрытие для них. Со стороны и не подумаешь, что они пытаются поймать карманников. Собственно, надо отдать должное Даше и в том, что за болтовней она успевала довольно внимательно смотреть по сторонам.

Наконец терпение у Антона кончилось. Он понял всю бесперспективность этих занятий. Нужен был другой ход. Он еще раз пригляделся к двум парням, которые промышляли в торговых залах. Один шуплый, весь какой-то серый, неприметный. Это исполнитель. А второй – прикрывающий. Этот высокий с длинными темными волосами, прилично одет. Его роль – во время обнаружения кражи и попыток задержать карманника создавать суету, отвлекать внимание жертвы, чтобы дать напарнику возможность скрыться. Взять этих и потрясти? Просто так не получится. Нужно брать только с поличным, а это канитель еще та! Если к карманникам обращаться, то нужен серьезный повод или хитрый предлог. Ладно, это дело подождет. Его еще надо обдумать.

Наступил день, который внес очень большое и приятное разнообразие в серые и бесперспективные будни. Даша пригласила Антона к себе домой. Он как раз решил показать ей свои схемы, основанные на результатах собственного анализа и полученных от Сашки Великанова данных. Всегда приятно побывать в доме у девушки, которая тебе нравится. Незабываемые ощущения. Тут все, кажется, пропитано ее запахом, обласкано ее взглядом. Это часть ее территории, ее внутреннего мира.

А проникать во внутренний мир нужно деликатно. И Антон сделал то, чего не делал в своей жизни очень и очень давно. Собственно, он делал это только однажды – он еще в школе покупал девушке цветы.

Даша открыла дверь и обомлела. Она смотрела на скромный букетик, и глаза ее увлажнились. Антон почувствовал себя героем глупейшего киносериала или любовного романа. Он и не подозревал, что камелия по азбуке цветов символизирует признание мужчиной, что дама – само совершенство.

– Ой... – прошептала Даша и покраснела, – спасибо вам... Тебе! Что это мы все «выкаем»?

– Согласен, – так же тихо сказал Антон. – Ты сегодня очень хорошо выглядишь.

– Ну, пойдем, – смущенно проговорила Даша и потащила гостя в комнату.

Довольный собой и развитием событий, Антон последовал за ней и... замер на пороге. На диване, с ленивым видом разглядывая иллюстрации в дамском журнале, восседал Кирюша. Он поднял на Антона сонные глаза, изобразил вежливую улыбку и снова уткнулся в журнал.

– Ну так вот, – как будто продолжая начатый в прихожей разговор, сказал Антон, – я принес схемы, которые могут нам помочь. Так сказать, картография наших следующих действий.

– А каких действий? – осведомился Кирюша.

– По поиску преступника. Мы до сих пор не знаем сферы его деятельности. Каждый карманник обычно работает в своем районе. Вот этот район нам и надо вычислить.

– А-а, – разочарованно протянул Кирюша и повернул лицо в сторону кухни, где Даша наливала в вазу воду. – Даш, а поесть у тебя нечего?

Антон с недовольным видом уселся на стул у стены и положил на колени папку. Так все изгадить! А как начинался день, какие чудились перспективы... хм, а вообще-то пора бы и делом заняться. Он пришел сюда помогать, а не... невесту отбивать. Вот так-то.

Они расположились в зале за большим столом пить чай с бутербродами. Кирюша не слушал, он был увлечен поеданием бутербродов и размешиванием четвертой ложки сахара в бокале. А вот Даша, сидя на стуле с ногами и склонившись на схемой, почти касалась головы Антона своей головой. И он ощущал запах ее волос, кожи... И пытался сосредоточиться на деле.

– Вот смотрите, – вежливо говорил он, обращаясь к девушке во множественном числе, полагая, что Кирюша тоже должен участвовать в обсуждении, – вот карта района. Красными квадратиками я обозначил места установки банкоматов. Причем не только «УралКредитБанка», потому что вору все равно, какой это банк. Вот эти я обвел кружочками. Это банкоматы, возле которых совершались кражи и...

И тут Антон понял свою ошибку. Он слишком увлекся Дашей и перестал логически мыслить. А почему он все время упирается только в преступления, совершенные карманниками. Ведь карту украли не ради чего-то, а ради того, чтобы снять с нее деньги. То есть в основе лежит не карманная кража, а система взлома электроники банкоматов или система ее обмана.

По его просьбе Даша принесла фломастеры, и Антон стал вносить изменения в свою схему. Идея рождалась сама собой. На чистых листах бумаги он в нескольких экземплярах набросал схему расположения банкоматов в районе.

– Смотрите, ребята! – с воодушевлением заговорил он. – Вот схема расположения банкоматов, где совершены преступления за период с пятого во восьмое число. Вот схема на десятое-четырнадцатое. А вот эта на следующие четыре дня. Получается, что он или они движутся по кругу. Вроде как обходят свои владения и собирают дань. Понимаете? И даты карманных краж практически совпадают с этой хронологией и географией! Вот!

– Ух ты! – не удержалась от восхищения Даша. – Вот что значит логика мышления. Здорово! Теперь мы можем... как-то их поймать?

– Никого вы не поймаете, – вяло возразил Кирюша, глядя пустыми глазами на схемы. – Будут они вас ждать.

– Ждать их будем мы, – поправил Антон. – Мы попытаемся вычислить их по этой схеме. Ведь мы уже знаем, с помощью каких технических средств совершаются преступления. Нужно тщательное наблюдение.

– Полицию будешь подключать? – недовольным тоном спросил Кирюша. – Хрен они с тобой пойдут. Чушь все это.

– Это не чушь, хотя насчет полиции ты прав. Тут убедить кого-то будет очень сложно. Я предлагаю не терять времени и даже не пытаться кого-то убеждать. Нам троим работы хватит!

– Я пас, – поднялся Кирюша со стула. – У меня семинар, мне готовиться надо...

Антон незаметно облегченно вздохнул и стал с удовольствием наблюдать, как Кирюша собирается уходить. Антона даже не особенно покорило, когда Даша у двери чмокнула жениха в щеку. Вали-вали, толстячок! Толку от тебя...

Толку не было и без Кирюши. В глубине души Антон надеялся хоть на какой-то успех, но еще три дня пролетели впустую. А к вечеру третьего дня Даша посмотрела ему в глаза как-то по-особенному, потом опустила веки и коснулась его руки пальчиками.

– Знаешь, Антон... Наверное, не надо больше ничего делать. И так все понятно. Толку нет и не будет. Кирюша вон с самого начала не верил в эту затею и оказался прав. А я... я просто как утопающий схватилась за соломинку. Вот ты и был такой соломинкой. Тут, наверное, надо в самом деле быть полицейским, а не любителем.

– Даша, – проникновенным голосом сказал Антон.

– Не надо, – покачала головой девушка. – Я ведь понимаю, что ты все это из-за того, что... В общем, не надо. И спасибо тебе! Будет время, заходи в гости. Мы тебе будем ужасно рады. И на свадьбу тоже...

Никогда раньше Антон не ощущал нелепости этого словосочетания «ужасно рады». Ужасное словосочетание – глупое, дурацкое...

Даша повернулась и пошла по улице. Потом она остановилась, повернулась к Антону лицом. Улыбка у нее была вымученная и вялая, как у Кирюши. Вот оно, влияние! Девушка взмахнула пару раз ладошкой, и ее каблучки застучали по асфальту. Враз пропало хорошее настроение.

Антон не разозлился. Просто его задело то, что он оказался беспомощным в сложившейся ситуации. Вопрос был для него теперь принципиальным. Теперь он хотел не столько доказать Даше и Кирюше (век бы его не видеть), сколько себе самому.

Набитый нарезанными по формату купюр листками бумажник кочевал из кармана в руку и обратно. Антон таким образом привлекал к себе внимание. Потом он сделал вид, что увлекся рассматриванием хлебобулочек в отделе бытовых приборов. Бумажник из-под куртки из заднего кармана джинсов у него вытащили через десять минут. В полированном боку чайника из нержавеющей стали отразилось невзрачное бледное лицо. Они, субчики, они родные!

Антон положил на место паспорт изделия и повернулся. Бледный удалялся быстрыми шагами. Второй с длинными волосами терся на пути Антона. Явно был готов препятствовать преследованию. А вот на-ка, выкуси! Антон одним движением корпуса сместился за стеллаж и быстрым шагом двинулся к выходу из торгового зала. Он теперь метров десять или пятнадцать будет закрыт от длинноволосого стеллажами с товаром, а если перейти в следующий проход, то длинноволосый его совсем потеряет из виду. Главное – самому вора не потерять.

Антон на ходу снял куртку и вывернул ее на другую сторону. Его хитрая двусторонняя куртка выручала уже не раз. Вот и теперь она из синей превратилась в бежевую. А карманник примелькался синий. Через пять минут Антон догнал невзрачного и перешел на другую сторону улицы. Теперь надо его взять!

Антон остановил прохожего мужчину и стал выяснять дорогу к улице Щорса. Пока он крутился и показывал руками, в поле зрения появился длинноволосый. Антон поблагодарил прохожего и, прибавив шагу, свернул за угол. Проезжающий грузовик оказался очень кстати. Антон подбежал к медленно едущей машине и, ухватившись за задний борт, встал ногой на раму под кузовом.

Поравнялся он с карманником в самый удачный момент – когда рядом был проход между домами. Первый был жилым кирпичным домом, второй – ремонтируемым магазином, затянутым фасадной зеленой сеткой поверх строительных лесов. Прыжок, удар плечом, и он вместе с невзрачным влетел прямо в кучу песка под сеткой. Парень с перепугу заорал, но Антон зажал ему рот, заломил правую руку за спину и поволок глубже на стройку. Хорошо, что день скло-

нялся к вечеру, и на стройке уже не было рабочих. Свалив карманника на землю, Антон придавил его коленом на всякий случай и нажал на вывернутую руку посильнее.

– Пусти, руку сломаешь! Ты че... в натуре!

– Будешь орать, – снова зажимая рот карманнику, проговорил ему в ухо Антон, – я тебе не только руку сломаю, я тебе глаз выдавлю, ухо откушу. Могу еще мошонку оторвать.

– Чего тебе надо? Ты кто?

– Дед Пихто, – процедил сквозь зубы Антон. – Ты, сямка подзаборная, у меня лопатник подрезал. А это обидно!

– Нет у меня никакого лопатника, хоть обыщи! Ты чего, перепутал, что ли? Я вообще в магазин ходил!

Антон покачал головой, нехорошо глядя на паренька, и полез рукой ему под куртку. Он ощупал все карманы, проверил за пазухой, за ремнем, в штанинах. Ничего там не было! И тут Антон чуть не взвыл в голос. Вот что значит нехватка нормального оперативного опыта. Да ведь любой карманник в первые же секунды опустошит бумажник и выбросит его как улику. Ему нужны деньги и только деньги. А он нарезанные бумажки там нашел. Значит, и их выбросил, поняв, что это ловушка. Вот и гляди теперь в его ясные невинные глаза и хлопай своими – придурковатыми.

От злости на себя и на предусмотрительных карманников Антон так свернул парню руку, что тот взвыл в полный голос. Антон схватил его стальными пальцами за горло и несколько раз тряхнул на земле.

– Ты... сучонок! – прошипел он злобно. – Я тебя тут на стройке закопаю! Я тебя в асфальт закатаю, ковшем экскаватора в землю по самую макушку вобью! Ублюдок ты недоношенный!

Дав волю бешенству, Антон упустил еще один момент, который мог обойтись ему дорого. Паренек так перепугался, что забыл правила, забыл, что ему ничего не грозит, кроме мордобоя, и в его руке появился маленький предмет. Никогда карманники не носили с собой оружия, никогда они не пользовались ничем фабричного производства: ни лезвиями, ни ножами. Их главное орудие – пальцы и остро отточенная монетка.

Вот такая монетка и оказалась в пальцах невзрачного. Он махнул рукой, как будто закрывая лицо от разъяренного незнакомца, еще миг, и Антон мог остаться без глаз. Движение было отработано до автоматизма, и если бы не реакция Антона, то острие монетки чиркнуло бы сразу по обоим его глазам.

Успев отпрянуть, Антон схватил паренька за руку и нанес ему нокаутирующий удар в челюсть. И тут же за его спиной мелькнула тень. Антон бросил свое тело вперед, перемахнув через лежавшего без сознания карманника. Этот прыжок спас его. Трехчетвертная стальная труба с грохотом обрушилась на то место, где он только что сидел на корточках перед своей жертвой.

Длинноволосый еще не успел расстроиться, что промахнулся, а нога Антона, выброшенная в прыжке, врезалась ему в грудь. Парень шумно выдохнул и отлетел к штабелю кирпича.

Когда оба паренька пришли в себя, то их глаза беспокойно забегали по сторонам. Они ощутили себя не просто связанными. Они были привязаны руками к подъемнику, а ногами к толстой чугунной трубе. Ремней в их брюках не было, и штаны у обоих норовили соскользнуть, оставив хозяев в беспомощном состоянии.

Прежний высокий незнакомец со светлыми прямыми волосами смотрел на них с холодной ненавистью и поигрывал пультом от подъемника. Связанные за спиной руки затекли, к тому же они были неудобно задраны вверх, что наводило на воспоминания о средневековой дыбе, которую пареньки когда-то видели в каком-то кино. Более того, каждому в рот была забита какая-то тряпка, а сверху он был затянут веревкой, чтобы кляп нельзя было вытолкнуть языком. Внутри у обоих начало постепенно холодеть. Может, это маньяк-расчленитель, может...

– Ну, вот что, голуби мои! – хищно оскалив зубы, зло проговорил незнакомец. – Разговаривать и рассусоливать мне с вами некогда. Либо беседа идет по моим правилам, и вы четко и внятно отвечаете на мои вопросы, либо... либо она идет по другим моим правилам. Я выворачиваю вам руки и ноги, а вы, крича от ужаса и боли, торопливо все же отвечаете на мои вопросы. Третьего варианта не дано. А еще ваша дальнейшая судьба вписывается в два первых варианта, которые я изложил. Я сейчас веду к тому, куда девать ваши изуродованные трупы.

Парни бледнели буквально на глазах. Зрелище было интересное: розовые естественные краски исчезали, а на их место напознала мертвенная бледность. Чтобы не остановить задуманное и не дать овладеть собой чувству жалости, Антон стал думать о том, сколько горя, сколько неприятностей и проблем доставили людям вот эти двое. И другие такие же, и те, кого он ищет. Одна история Даши стоит того, чтобы живьем подпалить пятки этим уродам, для которых нет ничего святого, которые готовы последнее вытащить... Понятие «святое» снова навело на мысль, что Антон сейчас, мягко говоря, перегибает палку.

Главное – напугать их до крайности, до икоты, главное – не выдать лицом того, что дальше этого ты не пойдешь, что ты не станешь их в самом деле пытаться. Это не война, а ты служитель закона. И всему есть мера.

Антон медленно подошел к тому, кто в супермаркете вытащил у него бумажник. Он посмотрел в его испуганные глаза, покрутил в руках пульт от подъемника.

– Ты меня слушай! – приказал он парню. – Сейчас будем с тобой говорить! Я вытащу кляп, но если ты попробуешь крикнуть, то вот эту арматуру, – Антон кивнул под ноги, где валялся всякий строительный хлам, – я воткну тебе в кишки. И там оставлю. Единственное, что ты можешь и должен сделать, чтобы выжить и уйти отсюда на своих ногах, это честно ответить на все мои вопросы. Понял?

Антон смотрел на невзрачного, но боковым зрением заметил, что черноволосый активно дергает головой и страстно мычит. Он повернулся ко второму карманнику. Тот смотрел умоляюще и кивал. Кажется, он больший трус, чем его напарник.

– Ты чего мычишь? – спросил Антон второго. – Жить хочешь?

Парень так активно замотал головой. Надо было идти на уступки и послабления. Кажется, «клиенты» готовы. Он развязал веревку и вытащил кляп изо рта черноволосого.

– Блин, ты чего! – тут же горячо зашептал парень. – Да мы тебе все что хошь скажем. Ты чего пытаться-то нас решил? Так мы же не знали, а то, что я трубой тебя хотел огреть, так другу хотел помочь. Ты же на Моню напал, а я вроде как...

– Заткнись, – тихо произнес Антон, и парень тут же послушно замолк на полуслове. – Мне плевать с большой колокольни на то, что ты думал, чувствовал.

– Да, да... – снова закивал парень и покосился на напарника, – Моня, ты же согласен, да?

Моня тоже стал активно кивать и даже попытался дружески улыбнуться. Антон им поверил. Он поверил, что карманники охотно будут отвечать на его вопросы, но он знал, что при малейшей возможности они попытаются напасть на него или сбежать. Иными словами, он все равно ожидал от них любой подлости.

Подняв с земли ржавый кусок арматуры, Антон, демонстрируя серьезность намерений, воткнул его в землю рядом с собой, чтобы это орудие было все время перед глазами его жертв. Потом он развязал веревку и вытащил кляп из рта Моня. Парень стал дышать, как выброшенная на берег рыба. Кажется, у него был насморк. Пульт откладывать в сторону Антон тоже не стал, хотя подъемник, как он убедился, был обесточен и привести его в действие он не мог. Но карманники этого не знали.

Черноволосый имел кличку Гарри. Или, как в их среде это называлось, «погоняло». Он говорил больше своего дружка Моня, но понять его было сложнее. То ли от волнения, то ли по причине природной тупости его речь была сбивчивой, полной «мусора» и не отличалась информативностью. Большею частью он сетовал на жизнь и превратности судьбы «щипача», а

попросту – карманника. Антон не спорил, хотя знал, что настоящий мастер-щипач в уголовном мире имел очень большой авторитет.

Моня быстрее понял, что нужно этому незнакомцу, и стал говорить по существу. Видел, что перед ним не уголовник, не блатной, а все равно говорил. Наверное, тоже поверил, что этот тип сможет их убить или искалечить за неповиновение.

Всплыло примерно следующее. В районе банкоматов никто работать не любит. Дело это неблагодарное, потому что народ постоянно роется в сумках, кошельки держит в руках, чтобы в любой момент вытащить оттуда карточку, когда подойдет его очередь вставлять ее в банкомат. Да и очередь движется там относительно быстро, а значит, люди все время находятся в движении.

Тем ни менее Моня рассказал, что есть любители пошерстить и там, но лишь потому, что рядом места с большой проходимостью, то есть места суетные. Например, в районе торговых центров, возле вокзала. Он лично знает троих, кто не прочь порыться в карманах и порезать сумочки в тех местах.

– Ты много не по делу базаришь, – с сожалением констатировал Антон и качнул пальцем ржавый прут, торчавший рядом из земли. – Воду льешь, а мне их личности нужны. Соображаешь, Моня?

– Я про личности скажу, – заверил карманник. – Например, Харкун.

Антон не удержался и поморщился. Порой клички были просто отвратительными для слуха нормального человека.

– Этот возле вокзала трется. У него видуха, как у профессора! В кепочке такой, портфельчик в руках, очки. Пальцы, как у музыканта. Он двумя пальчиками колоду в твоём кармане перетасует, а ты и ухом...

– Конкретно давай!

– Высокий, худой. Покашливает все время. Может, у него «тубик», я не знаю. Еще Куцый, этот возле торгового центра «Мир» трется. Ростом пониже меня, коренастый. Глаза у него широко расставлены, патлы длинные. Он с охраной делится, поэтому и пустой не уходит. А в «Москве» работает Михась. Про этого ничего сказать не могу. Он как бы сам по себе, но в «общак» долю отстегивает регулярно. Тут ничего не скажешь. Этот Михась вообще странный какой-то. Братва про него базарила одно время, что он от уголовки, под щипача только косит. А потом пригляделись, нет, шарит нормально. Мастер!

Глава 3

Опять открывался люк наверху, и снова пришлось прятаться под одеяло. Юля дрожала всем телом и напряженно прислушивалась к шагам на скрипучей лестнице, к стуку тарелки о крышку стола. Потом облегчение – шаги удалялись, кто-то поднимался вверх. Крышка захлопнулась, и задвижка задвинулась.

Сразу стало понятно, что есть хочется очень сильно. Даже рот слюной наполнился. Сейчас бы супа с сардинами из банки... В тарелке была все та же колбаса и хлеб. Юля за столько дней сидения в подвале уже не могла смотреть на эту колбасу, но желудок упрямо требовал еды, и она стала кусать холодные скользкие ломтики, засовывая в рот следом куски хлеба. Хотелось чаю, сладкого и горячего, но на столе стояла все та же бутылка с водой.

От всего этого захотелось плакать, и Юля заплакала. Сначала она хныкала и хлюпала носом, а потом вдруг стало так тоскливо, что она начала плакать навзрыд.

Двое парней сидели за столом возле того самого люка в полу. Ничего другого, кроме как резаться в карты, они придумать не могли. Старший – хмурый длиннолицый Коля Монах – был рад, что ему поменяли напарника. Предыдущий был молчуном еще большим, чем он сам. И все время норовил привалиться и поспать. Тоска и только! А новенький, этот ничего. Болтун, конечно, трепло, но с ним веселее. И картежник заядлый. Играть толком не умеет, но любит.

– Слышь, Вован, – Монах с насмешкой посмотрел на разочарованного напарника, – ты хоть карты в колоде считай. Все козыри вышли, кроме дамы и туза, а ты мне в даму и заходишь!

Вован, худощавый прыщавый парень, сгреб карты и стал молча перетасовывать. Чувствовалось, что он пытается переварить в голове замечание про подсчет козырей, но процесс этот у него не шел. Туповат он был, зато веселый.

– Монах, а что мы за девку стережем? – наконец спросил он напарника. – Она что, типа заложница? Дочка бизнесмена-миллионера?

– А тебе зачем знать? Больше знаешь, меньше живешь! Раздавай давай.

– Слышь, Монах... – Вован замолчал и прислушался. – А что она там воет?

– Пусть воет. Тебе-то что. Нам про вой указаний не было.

– Слышь, я гляну, а? А вдруг что случилось. Может, она повесилась там, а нам потом отвечай!

Монах поморщился. Он до того разленился на этом сидении, что не заметил в глазах напарника нездорового похотливого огонька.

– Пойду на толчок... – проворчал он, поднимаясь из-за стола.

Вован проводил напарника взглядом, потом посмотрел на люк в полу, откуда раздавалось девчачье хныканье. Он вскочил со стула в своей обычной дерганой манере, подтянул тренировочные штаны и присел над люком. Девичий голос привлекал, манил, завораживал, заставлял сердце биться часто и томно. Аж дух захватывало.

Рука сама дотянулась до задвижки и потянула ее в сторону. Потом Вован приподнял крышку, и плачь стал слышен отчетливее. Это переполнило чашу его терпения, и Вован решительно спустил ноги в люк. На бледном девичьем лице читался страх. Пленница стала отползать по своей лежанке, потянулась за одеялом, чтобы снова накрыться с головой. И в этот момент платье задралось, оголив плотное бедро. Почти до самых трусиков.

У Вована мгновенно пересохло во рту и переклинило в мозгах. Дыхание вдруг стало прерывистым, руки у него затряслись, он почувствовал истому. Перевел взгляд на грудь девушки. Как это он не замечал, что у этой пигалицы уже сформировавшиеся сиськи. Вон ложбинка какая аппетитная в вырезе платья... и ляжки путевые...

Вован себя уже не контролировал. Он спустился в подпол и стоял теперь перед самодельной лежанкой, на которой девушка куталась в одеяло. Он буквально пожирал ее глазами. Вытащенные глаза, припухшие от плача губы – все это только распаляло, добавляло желания.

– Ты че... – зашептал Вован, делая короткий шаг вперед, – ты это, ништяк... Слышь?

Руки дрожали, голос тоже стал непослушным и дрожащим. Вован встал коленкой на край лежанки и потянул за край одеяла.

– Слышь, ты... это, я хороший, ты... ты не бойся. Иди сюда... пообщаемся.

Девушка держала одеяло мертвой хваткой и смотрела на парня во все глаза. Если бы в них был страх, если бы она кричала, вырывалась, то Вован, может, и оставил свои попытки. Но девочка с развитыми не по годам формами возбуждала его.

Вован дернул одеяло, и Юлия упала на руки, выпустив свою слабую защиту. Ее грудь колыхнулась в вырезе платья, и Вован не устоял. Он опустился рядом, обхватил девочку за плечи и притянул к себе. Ее слабое сопротивление только распаляло, оно будто подсказывало, что долго это продолжаться не будет. Он жадно хватал мокрыми губами ее шею волосы, пытался перевернуть девушку вверх лицом, чтобы найти губы, грудь.

Он и не подозревал, что слабым сопротивлением было потому, что девушка находилась в состоянии психологического шока. Она ни разу в жизни не попадала в подобные ситуации, ни разу не ощущала по отношению к себе насилия, пусть это было просто унижительное отношение ровесников или взрослых, ругань за непослушание. А тут! Рефлекторно девочку обуял почти животный ужас.

А Вован уже наваливался всем телом, шарил дрожащей рукой под платьем. И тут тишину подпола разорвал нечеловеческий крик.

Монах влетел в комнату. Не увидев Вована за столом, он пошарил глазами по комнате, и его взгляд наткнулся на открытый люк подпола. С грохотом он слетел по лестнице вниз, оторвал одуревшего напарника от девочки, дважды хрястнул лицом о ступеньку лестницы и отшвырнул в сторону. Пленница отползала к стене, волоча за собой одеяло. Глаза ее были полны животного ужаса. Ее трясло как под действием электрического тока, на губах выступила пена. Еще миг, и девушка стала биться в судорогах, закатывая глаза.

Вован, придя в себя, не успел возмутиться вмешательством напарника. Он сразу понял, что произошло что-то страшное, что может повлечь огромные неприятности и для него самого. Страх сковал его, и неизвестно чем бы все кончилось для Вована, может, такими же судорогами, если бы не опытный Монах.

– Звони Плетеному! Быстро, пусть шприц тащит! И кинь мне сюда швабру... или кухонный нож с деревянной ручкой. Гони, падла!

Пинок в бок вывел Вована из состояния ступора. Он на четвереньках бросился вон из подпола, дважды споткнулся наверху, свалил стул. Потом он наконец нашел телефон и стал судорожно искать номер Плетеного.

Через десять минут приехали босс и Плетеный. Босс стоял посреди комнаты и смотрел в проем подпола. Там старый врач, лишенный права заниматься лечением еще двадцать лет назад, делал девочке уколы. Они приехали буквально в последний момент. Еще немного и...

– Вован! Тебя корова родила или нормальная баба? – сухо спросил босс.

– Да чего вы... – начал было оправдываться виновник.

– Так! Заткнулся, урод! – заорал босс и, брезгливо глянув вниз, понизил голос: – Если ты, упырь недоделанный, если ты, маньяк худосочный, веретено сучье, еще раз хоть подумаешь о чем-нибудь подобном... Я тебя не просто убью, я тебе тупым ножом пилить твоё хозяйство буду, мелкими кусочками шинковать. Ты тут сидишь для охраны, а не для того...

Вован с ужасом смотрел, как наливалась кровью шея босса вокруг воротника белой рубашки, выступающей над краем дорогого костюма. Это раньше босс был интеллигентом, бизнесменом. Это раньше пацаны ухмылялись за его спиной, думая, что этот фраер только

бабло способен откачивать. Босс не был фраером, он был страшным человеком. Он мог сам убить, не прибегая к помощи быков. И еще как! С наслаждением. Вон как глаза шныряют! Вот... чтоб мне еще раз...

Сашка Великанов посмотрел на Антона и улыбнулся понимающей улыбкой. Антон нахмурился.

– Чего ты лыбишься?

– Антоха, ты чего? – еще шире расплылся в улыбке Сашка. – Я слова не сказал.

– Еще бы ты сказал, – проворчал Антон, беря себя в руки. – Ну нравится она мне, ну и что! Между прочим, она такой же гражданин нашего города, нашей страны. И она так же точно находится под защитой органов внутренних дел.

– А у вас уже было? – шепотом спросил Сашка, блестя бесовскими глазами.

Антон вспыхнул, но Великанов тут же отошел на безопасное расстояние и сделал серьезное лицо.

– Я не настаиваю, чего ты взрываешься! Ну пошутил я, пошутил. Хочешь отомстить? Я тебе дам фотографию моей очередной девушки, и ты на нее разольешь кофе? Нет... подпишешь усы!

Антон посмотрел на Сашку и со снисходительным видом покачал головой. Сердиться на Великанова было бесполезно.

– Ладно, чего надо? – миролюбиво спросил Сашка, поняв, что Антон уже отходит.

– Ориентировку в уголовный розыск по территориальной принадлежности. И со ссылкой на оперативные данные.

– Хорошо, еще?

– Быков не должен узнать.

– Хм... ладно.

– И составь так, чтобы они кинулись брать с поличным... Хотя, давай, я сам напишу, а ты отправишь.

– Нет уж, Антоха, я напишу лучше, я знаю, как такие вещи пишутся. Значит, на троих карманников? Харкун, Куцый и Михась. Район преступной деятельности...

Антон ждал два дня и готов был уже заставить Сашку позвонить операм и узнать, что они там думают и замышляют. Но именно на второй день к вечеру начались захваты. Антон услышал сообщение от Великанова, который дежурил возле торгового комплекса «Мир», что Харкуна взяли на подставе. Прямо за руку и под киносъёмку. Второй опер из их Управления, который дежурил на вокзале, молчал.

Зато на глазах Антона началась операция по захвату Куцего. Он не стал ждать результатов, полагая, что раз все началось грамотно, то и закончится успешно. Антон развернулся и бросился в метро. Выскочив на станции «Уральской», он почти бегом по Вокзальной улице помчался к зданию железнодорожного вокзала.

Через пять минут они встретились, предварительно связавшись по рации. Отпустив оперативника, Антон стал наблюдать за Михасем сам. Он смотрел на этого человека и удивлялся, как можно было так умело сливаться с массой народа. С одной стороны, выглядел Михась не как оборванец или бомж. Наоборот, прикид он имел такой, что ни одному патрульному полицейскому и в голову не придет проверять у него документы или иным образом проявить сомнения в его законопослушности. Он даже на водителя-рысака, которые крутились среди пассажиров, не был похож. Скорее встречающий, но встречающий не тетку, не тещу, не жену. Например, коллегу, делового партнера среднего уровня, чиновника из соседней области. Что-то в нем было именно такое. То ли костюм, не очень дорогой, но со вкусом, то ли приличные ботинки, на которых не было пыли. Или рубашка без галстука.

Михасю было между сорока и пятидесятью. Роста он был среднего, прическа короткая, обычная. Антон попытался составить его словесный портрет более подробно, нежели его описывали Гарри с Моней, но у него ничего не получилось. Если бы не Гарри, который Михася показал...

Антон насторожился. Если бы он не ждал захвата, то не заметил бы оперов из транспортной полиции. Действовали они очень осторожно и чего-то ждали. Антон подумал, что Михась – карманник очень высокого уровня и его взять на подставе будет сложно. Наверное, и невозможно. Оперативники, кажется, тоже так считали. Еще минут тридцать прошло в ожидании, а потом стало ясно, чего опера ждали.

Со стороны платформы, куда пришел очередной пассажирский поезд, повалил народ. Приезжие, встречающие, таксисты, демонстративно позвякивающие ключами, все перемешалось и двигалось в сторону привокзальной площади. Один миг, и Антон чуть не потерял Михася из виду. Карманник, сунув свернутые газету и журнал под руку, растворился в толпе. Антон кинулся следом и тут же понял, что сглупил. Одному уследить за таким профессионалом было немыслимо. Он почти потерял Михася, а видеть его мог только сверху. Спускаться вниз, в толпу – означало вовсе потерять Михася. И тогда Антон стал наблюдать за рассредоточившимися оперативниками, которые сходились к какой-то точке.

Судя по всему, Михася вели плотно. Сейчас «объект» перемещался в сторону привокзальной площади вместе с толпой пассажиров. Антон чувствовал, что что-то происходило. То ли карманник не делал попыток вытащить у кого-то кошелек, то ли оперативники этих попыток не видели. Но не мог же такой матерый вор просто так шляться по вокзалу и толкаться среди пассажиров. Хотя почему бы и нет? Мог. Ведь надо же ему присмотреться, выбрать жертву.

И тут Антон понял, что оперативники потеряли «объект». Слишком заметно они сейчас нервничали и озирались по сторонам. А старший на втором этаже на своем наблюдательном пункте что-то раздраженно и горячо говорил в микрофон рации. Интуиция тут же подсказала Антону, что Михась засек наблюдение. Может, просто прочувствовал и решил не рисковать. А может, даже совершил преступление и теперь воспользовался одним из своих коронных способов исчезновения.

Эта мысль показалась Антону разумной, и сразу же в голове всплыла схема помещений здания вокзала. И он сразу же подумал о камере хранения ручной клади. Там же сзади должна быть дверь! Теперь значение имела только скорость. Антон метнулся в сторону большой светящейся вывески и решетки приемного окна... и сразу понял, что не ошибся. Приемщик шел из глубины своего хозяйства, руки у него были пустыми, хотя у самого окна собралась приличная очередь. И шел он очень злой.

Не стоило терять времени, когда и так все понятно. Михась просто проскочил в приемное окно или в дверь, что располагалась рядом. На глазах обалдевшего от такой наглости приемщика он пробежал через все помещение и выскочил в заднюю дверь. Куда?

Антон уже обежал здание вокзала и уперся в решетчатый забор двора. А дальше? А дальше он побежит через пути, но не в сторону центра, а постарается затеряться в промзоне в хозяйственных постройках за вокзалом. И Антон перемахнул через забор, как на тренировках на штурмовой полосе в армии. Кто-то недовольно что-то закричал ему в спину, просигналил испуганно автопогрузчик, перед которым он пробежал. А потом Антон увидел спину Михася.

Карманник шел торопливо, но старался не бежать. Еще минута, и он скроется за вагонами товарного состава, который остановился перед стрелкой. И пиджак Михась снял. Теперь он нес его в руке, оставляя в голубоватой рубашке.

И тут Антон сбавил шаг. Что-то его насторожило, что-то привлекло внимание. Он стоял между путями и лихорадочно вспоминал. Ну, ну! Скорее! Михась же уходит! Ага! Антон повернулся и сделал два шага назад. Среди утоптанного грязного щебня между путями вид-

нелось углубление с обсадной трубой, а в ней кран для подсоединения шлангов и заправки вагонов водой. И там торчал бумажник, точнее, большой дамский кошелек.

Значит, проворонили транспортные опера, и Михась все же кого-то обработал. Антон подхватил кошелек, на бегу раскрыл, обрадовался, увидев внутри паспорт, и снова прибавил шагу. Теперь у Михася при себе могла быть улика, подсказывающая, что он обокрал пассажирку. Вряд ли он оставит при себе нечто, что может принадлежать к вещам несчастной женщины, но все-таки. Хотя бы задержать по подозрению, установить личность этого Михася, адрес.

Антон догнал карманника уже возле продовольственного магазина. Михась стремительно продвигался в людском потоке к автобусной остановке. Там виднелись и несколько такси. То ли опытный вор разнервничался и потерял осторожность, то ли это дело случая, от которого никто не застрахован. Но когда карманник выбежал на дорогу, из-за угла вылетела черная «Хонда». Иномарка ловко вильнула влево, обходя притормозившую «Газель», и в воздухе мелькнуло подброшенное ударом капота тело в голубоватой рубашке. Визг тормозов, крики...

Антон выругался и неторопливо пошел к месту происшествия. Он хорошо видел, как подлетело тело Михася, и отлично понимал, что после таких ударов выживают только чудом. Обильное внутреннее кровотечение неизбежно, разрыв некоторых органов тоже. А «Скорая помощь» придет только через пять-десять минут. Это в лучшем случае. Поздно! Раньше, в былые времена, обязательно нашелся бы человек, который положил бы тело пострадавшего в свою машину и незамедлительно отвез в больницу. Бывало, что так и спасали людей.

Антон вздохнул и посмотрел по сторонам. Оперативников видно не было. М-да. А теперь пострадавшего никто трогать не будет. Даже не прикоснется, потому что народ могут в чем-нибудь обвинить и содрать компенсацию за моральный ущерб семье. Кто-то попытался помочь пострадавшему, перевернул его на бок, чтобы он не захлебнулся кровью, а тут тебе на решение экспертизы! Оказывается, у пострадавшего был перелом позвоночника и действия сердобольного помощника могли привести к парализации дыхательных центров. Да что б я еще попытался кого спасать! Платить по полтора миллиона за каждого!

Да... к Михасю никто не прикасался. Люди столпились вокруг и молча созерцали, а он лежал на боку, неестественно вывернув голову и руку. Его грудь дергалась от поверхностного конвульсивного дыхания. Потом оно затихло, а тело вытянулось и обмякло. Все...

Антон сидел дома и собирал сведения. Ничего особенного в Интернете за это время не появилось, никаких сенсационных способов кражи денег из банкоматов еще не изобрели. Но вот Сашка Великанов звонил почти через каждые тридцать минут. По настоянию Антона он отслеживал процесс расследования кражи на вокзале и гибели Михася. Фамилия и имя пострадавшей ничего Антону не сказали, как ничего они не сказали и следствию.

Очень интересной оказалась биография самого Михася, в нормальной жизни – Михаила Владимировича Першука, уроженца Брестской области. В свои сорок четыре года он умудрился ни разу не попасться. По оперативным данным, преступник по кличке Михась промышлял карманными кражами на протяжении пятнадцати лет и слыл в уголовном мире большим искусником. Бывают же такие умники, которые ни разу на краже не попались. И в картотеке, естественно, его отпечатков пальцев не значилось.

Антон понимал, что Михась не прокололся бы и сейчас, если бы не он со своим преследованием. Сбросил бы карманник улики и был таков. А он чувствовал за собой преследователя, нервничал.

Горевать Антону Сашка долго не дал. Очередной звонок обрадовал.

– Ну, сколько мне с тебя полагается содрать? – поинтересовался Великанов. – Ладно, мучить не буду. Значит, усекай! Работал твой Михась не только пальчиками. В кармане у него под подкладкой нашли инструмент. Спецы говорят, что такого еще не видели. Это что-то

типа пинцета, только на конце тонкая иголочка с крючком. Незаметно вытянуть какую-нибудь мелочь очень легко. Классное изобретение!

– И банковскую карту тоже? – насторожился Антон.

– Говорят, пробовали у них в отделе. Вытаскивается из заднего кармана джинсов «на раз-два». Ладно, не буду мариновать. После того, как установили личность Михася и его домашний адрес, прочесали с собакой территорию вокруг дома. Знаешь, что нашли? Банковскую карту. «УралКредитБанк»! Проверка по банковской базе показала, что она принадлежит Дарье Андреевне Постновой. По заявлению хозяйки карта была заблокирована, но злоумышленники успели снять с нее сумму в четыреста тысяч рублей. Угадал?

– Угадал, это Даша. Значит, ты утверждаешь, что собака нашла карточку по запаху Михася? Значит, он держал ее в руках?

– По-видимому, да, но полной уверенности нет.

– Ну, спасибо, Сашка! Дал ты мне ниточку! Получается, что мы с тобой на вора вышли, который у нее карточку и вытащил. Теперь, может, и деньги найдутся.

– Вот тут я бы оптимистичных прогнозов не делал, Антоха. Обыск у Михася в доме провели, но результата никакого. Обычная квартира холостяка, и ничего лишнего. Никаких излишеств и никакого богатства. Даже сберкнижки не нашли или пластиковой банковской карты. Короче, никаких следов причастности к преступлениям.

– Надо, чтобы опера поработали по его связям, по кругу знакомых прошлись...

– Ну, это они и без тебя знают. Поднимал я этот вопрос, обещали держать меня в курсе событий.

Что-то подсказывало Антону, что, даже изучив всю личную жизнь Михася, опера не найдут в ней факты, которые могли бы вывести на соучастников, сбытчиков краденого, просто корешей из уголовного мира. Вряд ли Михась когда-либо афишировал свои связи с ворами.

Однокомнатная квартирка с тусклыми, заросшими паутиной окнами, с почерневшими от грязи подоконниками. На них банки из-под маринованных помидоров и огурцов. И бутылки, конечно. Обои на стенах местами отслаивались, линолеум на полу протерся до бетона, а двери... А когда-то Малахит любил роскошь, шик в быту! Смотреть на то, во что превратилось жилище, было больно, но еще больнее было внутри.

Леня Малахит страдал страшно. Болезнь разъедала его внутренности, а он упорно отказывался лечиться, отказывался от помощи, которую ему предлагали старые верные кореша. Хотя сколько их осталось-то? Домкрат? Опять сел, теперь уже надолго. Не дожить Малахиту до конца его срока. Домкрат здоровенный детина, но как все сильные и большие люди, он сентиментален и добр. И Малахиту обязан за многое, да и так...

Плетеный вообще в прошлом доктор, он хорошо понимает, что там у Малахита внутри. Только что Плетеный может? Его давно по суду отлучили от профессии, да и за столько лет, проведенных у «хозяина», перезабыл он, наверное, все, чему когда-то его учили. Хотя и Плетеный Малахита переспорить не может.

Лене Малахиту было под шестьдесят, еще можно было бы потешиться, можно еще кое-что успеть взять от жизни по полной. Но Лене не хотелось жить. Все обрыдло, осточертело, ничего за спиной, ничего впереди. На что растратил жизнь, с чем предстоит предстать перед... Да перед кем бы то ни было, а ответ держать придется. Это у древних, которые себе напридумывали множество богов, даже у воров был свой покровитель на небе. А у нас? Перед богом предстанешь, перед дьяволом ли, а все равно...

Так было еще неделю назад, а потом случилось непредвиденное. Сквозь почерневшую паутину на окнах, сквозь пыльную глухоту его квартиры вдруг пробился яркий лучик света. Как жизнь, как надежда, как забытое ощущение счастья и покоя. У Малахита объявилась дочь!

Он, как всегда это было, сидел после скудного обеда в расшатанном облезлом кресле, завернувшись в старый плед, пребывая в безрадостных воспоминаниях. В них не было ничего, кроме синих казенных стен камер, железных спинок лагерных шконок и одинаковых черных спин других сидельцев. Даже лиц не было. Иногда, правда, проплывали какие-то искривленные то ли от радости, то ли от горя лица на фоне яркого света ресторанных люстр, блеска хрусталя и зеркал. Проплывали они на фоне страшного шума, который издавали ресторанные оркестры да пьяные посетители. И все...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.